

Оскорбление как головная боль современной лингвоэкспертной практики

Лингвоэкспертная оценка оскорбления как речевого правонарушения как в Казахстане, так и в России является одной из важнейших проблем лингвистической экспертологии. Сегодня российскими специалистами активно ведется работа по изучению феномена оскорбления как с позиции языкознания, так и юриспруденции, разрабатываются методики проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Однако на данный момент не существует единого общепринятого подхода, которым могли бы руководствоваться специалисты при выполнении лингвистического исследования спорного материала.

В лингвистической экспертологии слово «оскорбление» имеет широкое и узкое толкование. Словарная статья в толковом словаре отражает широкое, общеупотребительное значение этого слова как лингвистически определяемого термина (1, стр. 20-21). Например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А.Кузнецова слово «оскорбление» в своем прямом значении толкуется через отсылку к глаголу *оскорбить-оскорблять*.

Оскорбление, -я; ср. 1. к Оскорб́ить - оскорбля́ть. *О. чувств. О. словами. О. личности. О. гражданского достоинства.* 2. Оскорбительный поступок, поведение, слова и т.п. *Нанести о. кому-л. Выслушивать, переносить оскорбления. Осыпать оскорблениями кого-л. Простить о. Личное о. Тяжёлое о. Оскорбление в чей-л. адрес. Пожалуйста без оскорблений!* (2).

Слово оскорбление определяется, таким образом, 1) как действие по значению глагола *оскорбить* и 2) как поступок, поведение кого-либо.

ОСКОРБИТЬ, св. кого-что и с прид. (чем). Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства. *О. чью-л. честь, гордость. Смертельно о. чьё-л. достоинство. Оскорбить кого-л. действием* (нанести кому-л. удары, побои). // Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. *О. торжественность минуты глупой выходкой. О. в лучших чувствах. О. чей-л. слух, зрение, взор* (быть крайне неприятным для чьего-л. слуха, зрения) (2).

В широком, бытовом толковании, таким образом, под оскорблением понимается действие по глаголу *оскорбить*, имеющее целью нанесение обиды, унижения лица.

Анализ толкования и приведенных примеров употребления глагола *оскорбить* (*оскорбление*) позволяет выделить следующие основные компоненты стандартной ситуации, описываемой этим глаголом:

1) субъект действия (в качестве субъекта действия выступает человек – лицо, совершающее указанное действие);

2) объект, в отношении которого производятся действия *оскорбить=унижить* (в качестве этого объекта выступает другой человек, а именно, его чувства, честь, гордость, достоинство; слух, зрение, взор); при этом возвратные глаголы *оскорбиться* и *унизиться* имеют разную семантику:

оскорбиться – это проинтерпретировать что-то как оскорбление, ‘почувствовать себя оскорбленным, обидеться’, а унизиться – совершить действие, которое унижает, ‘поставить себя в унижительное положение’ (3, с. 25);

3) само действие – крайне обидеть, унижить; уязвить какие-л. чувства (т.е. причинить нравственную боль, неприятность);

4) инструмент для выполнения действия – слова (*оскорбление словами*), а также физические действия (удары, побои), иные выходки (поступки, противоречащие общепринятым правилам поведения).

В целом определения понятия «оскорбление», содержащиеся в толковых словарях русского языка, включают в себя общую сему ‘плохое, уничижительное отношение, неуважительное слово или действие’. При этом в данных толкованиях оскорбления отсутствует указание на такой ограничительный признак, как неприличная форма его выражения.

Таким образом, при широком, обыденном толковании к оскорблению могут быть отнесены и относят любые слова и высказывания, которые воспринимаются адресатом в качестве обидных. На такую возможность употребления указывает и диспозиция части 1 статьи 131 УК, которая определяет оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Толкование данной нормы закона свидетельствует о том, что унижение чести и достоинства возможно и средствами, не имеющими неприличную форму. Тогда при таком широком, бытовом понимании оскорблением могут стать любые слова или фразы литературного языка, которые воспринимаются адресатом в качестве обидных. Ключевым моментом здесь выступает восприятие их как таковых лицом, то есть субъективная оценка слова/высказывания лицом в качестве обидного и оскорбительного.

В собственно лингвистической сфере этот особый вид речевого поведения кого-либо, трактуемый униженным лицом как «оскорбление» в широком его толковании, называют жанром, речевым актом, и понятие приобретает статус лингвистического термина – «речевой акт оскорбления».

Специалистами речевой акт оскорбления характеризуется как одна из форм поведения говорящего, имеющая иллокутивную (коммуникативную) цель *обиды* (4, с. 60). Приведем одно из многих толкований РА оскорбления: «РАО – это проявление агрессивного типа поведения, которое представляет собой выражение крайне негативного отношения говорящего к слушающему путем приписывания ему пейоративных признаков и нанесение ему тем самым эмоционального ущерба» (5, с. 96). Речевой акт оскорбления как форма поведения говорящего описывается следующей семантической формулой (где X – оскорбительное высказывание):

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб.

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X.

В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб (4, с. 61).

Совершая РА оскорбления, говорящий (адресант) осознает, что высказывание может нанести морально-психологический вред адресату, но

произносит это высказывание с целью нанесения ущерба психике слушающего. По сути, в сфере судебного разбирательства РА оскорбления отражает позицию оскорбленного (в терминологии УПК – потерпевшего) лица, которое считает, что говорящий намеренно совершает определенное речевое действие, которое он, потерпевший, истолковывает как оскорбление.

С семантической точки зрения РА оскорбления содержит два важнейших компонента. Во-первых, адресату оскорбления дается негативная характеристика (негативная оценка) или выражается негативное отношение; во-вторых, эта негативная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме. Неприличная форма выражения понимается при этом весьма широко: как вся ненормативная лексика и определенная часть нормативной лексики и фразеологии.

Относительно широкого толкования оскорбления необходимо небольшое дополнение. И. А. Стернин и многие другие лингвисты указывают на то, что широкое, обыденное понятие оскорбления зачастую подменяется понятием, соотносимым со словом обида: «...обида основывается на индивидуальной субъективной негативной эмоционально-психологической реакции на слова собеседника, так что обида может быть нанесена и оскорблением, и обвинением, и клеветой, и сравнением, и оценкой, и просто характеристикой, констатацией некоторого факта. Таким образом, обида есть индивидуальная субъективная негативная эмоционально-психологическая реакция человека на сообщение о нем негативной информации» (6, с. 30). При этом обида (или оскорбление в обыденном сознании) может быть причинена в абсолютно литературной, даже утонченной форме, что, однако, не может расцениваться как оскорбление в юридическом понимании (7, с. 96).

В узком, специальном толковании слово оскорбление получает определение в рамках закона и относится к юридически определяемым терминам; его правовая дефиниция приводится в диспозиции ст. 131 УК РК: унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Сравнение обеих формулировок (см. выше словарное толкование слов «оскорбление», «оскорбить») показывает, что в широком толковании оскорбления отсутствует такой признак, как неприличная форма выражения, что позволяет подвести под широкую интерпретацию оскорбления множество различных явлений, событий, действий (например, оскорбительные жесты, включая жест «средний палец руки»), в том числе и речевых. Поэтому законодатель ограничивает понятие оскорбления таким признаком, как неприличная форма выражения.

Для уголовного права неприличная форма является обязательным признаком объективной стороны оскорбления. Один из фактов, которые необходимо установить в ходе проведения лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, как правило, формулируется в вопросе «Выражена ли оценка лица в неприличной форме?». В настоящее время в экспертном сообществе отсутствует единый подход к диагностике неприличной формы спорного высказывания, наблюдается различное понимание неприличности формы выражения смысла. Реальностью стали взаимоисключающие

экспертные заключения относительно одного и того же текста /высказывания. Различия экспертных подходов вызывают у участников судебного процесса сомнения в объективности методов лингвистической экспертизы, порождают спекуляции на тему необъективности лингвистической экспертизы, что, в свою очередь, приводит к сомнениям в необходимости ее существования как вида.

Неоднозначный результат экспертных оценок возникает по многим причинам. Во-первых, понятие «неприличная форма» является оценочным понятием, которое не имеет легальной дефиниции, не разъясняется законодателем, но содержание которого нельзя определить однозначно, поскольку его смысл и значение могут зависеть от контекста и коммуникативной ситуации (то есть неязыковых условий осуществления коммуникации). Категория приличия /неприличия не является также понятием лингвистики, это понятие морали – объекта этики как части философии. И поэтому наука о языке не может предложить готовых дефиниций и методов для установления и описания неприличной формы. Однако у судебной лингвистики нет выбора, ей необходимо было выработать эти дефиниции и методы, исходя из собственных ресурсов, поскольку при рассмотрении вербальных правонарушений по ст. 131 УК перед лингвистом неизбежно ставится вопрос о неприличной форме высказывания. Как отмечает И. Саженин, ссылаясь на работы В. Жельвиса, В. Мокиенко, Б. Шарифуллина, «конечно, лингвисты оперируют такими понятиями, как «неприличная лексика», «непристойная лексика». Но следует учитывать, что допущения, которые возможны в академических работах, в судебной экспертизе зачастую неприемлемы. И работа с понятием «неприличие» при производстве экспертизы – как раз тот случай, когда собственно лингвистические методы и теории часто не позволяют прийти к однозначному выводу» (8, с. 335). Однако как все-таки решается этот ключевой для экспертной оценки материалов по оскорблению вопрос?

Прежде чем ответить на него, сделаем небольшое отступление. В феврале 2021 года приговором Бостандыкского районного суда г. Алматы оскорбительными и, соответственно, неприличными были признаны слова «вор» и «мошенник», высказанные в адрес ректора одного из вузов Алматы. В основе приговора лежало заключение специалиста-филолога с лицензией, бывшего сотрудника экспертного учреждения. Данное заключение и множество других подобных необходимо, на наш взгляд, рассматривать как пример многолетнего, скажем так, лингвоэкспертного произвола.

Рассмотрим вначале причины этого явления, которые не лежат на поверхности. Рассматривалось дело по оскорблению (ст. 131 УК РК). Как известно, в советское время дела по речевым правонарушениям, а именно, оскорблению, клевете, защите чести, достоинства и деловой репутации и др. рассматривались крайне редко, если вообще не рассматривались. Распад Союза, либерализация и демократизация общества дали людям, с одной стороны, новое осознание свободы выражения мнения, с другой – права на защиту своих личных нематериальных благ (честь, достоинства, деловой

репутации). Результатом стала лавина растущих с конца 90-х годов жалоб как по оскорблению и клевете, так диффамационных исков. При этом государственные экспертные учреждения оказались во многом не готовы решать те задачи, которые перед ними экстренно ставили практические работники.

Это отмечали в те годы многие специалисты-лингвисты. Так, в 2002 году в своей публикации О.Н. Матвеева, член авторитетной российской Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), писала: «Сегодняшнее состояние юрислингвистической экспертной деятельности позволяет констатировать факт, что к возможности совершения правонарушений с помощью языка оказались не готовы ни классическая юриспруденция, ни – тем более – классическая лингвистика. Законодатель, обозначив целый ряд преимущественно языковых правонарушений (оскорбление, клевета, распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, публичные призывы к изменению конституционного строя и пр.), не продумал механизм реализации законов о такого рода правонарушениях» (9).

В этой статье Матвеева отмечает ряд проблем лингвистического экспертного исследования, среди которых выделим следующие: отсутствие понятийного и терминологического аппарата лингвоэкспертизы, единой терминологии, принятой среди лингвистов; отсутствие у лингвистов единых принципов, методов и приемов проведения экспертизы и др. Аналогичная ситуация наблюдалась и у казахстанских ...

О тех же проблемах конца 90-х – начала 2000-х годов говорит в своей публикации 2008 года доктор юридических и филологических наук, профессор, зам. зав. кафедрой судебных экспертиз МГЮА Галяшина Е.И. Она пишет: «Конечно, становление судебной лингвистической экспертизы в России шло непросто. Государственные экспертные учреждения оказались не готовы ни методически, ни организационно к решению сложных речеведческих задач, которые практика стала ставить перед экспертами-лингвистами. Так, например, разработка типовой ведомственной методики производства лингвистической экспертизы была включена в план научно-исследовательских работ ЭКЦ МВД России только в 2007 году» (10).

Как видим, одной из главных проблем на то время было отсутствие экспертных методик исследований материалов по делам, связанным с речевыми правонарушениями. Как выходили из такой, по сути, патовой ситуации? Е. Галяшина пишет: «...основная масса экспертиз изначально поручалась негосударственным экспертам, филологам, русистам, преподавателям филологических факультетов вузов, учителям русского языка» (10). Кроме сотрудников экспертных учреждений, к специальным научным исследованиям привлекались ученые-лингвисты. Так, в 1997 году (переиздана в 2004 году) под эгидой российского Фонда защиты гласности была выпущена брошюра «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации», авторами которой стали известные ученые-лингвисты, члены ГЛЭДИС.

Предложенный авторами этой книги подход к рассмотрению дел об оскорблении являлся в экспертной практике одним из первых и широко распространенных. В соответствии с указанным подходом негативные оценочные высказывания, если они характеризуют конкретное физическое лицо, могут являться оскорбительными при соблюдении ряда условий: если они адресованы истцу лично, дают обобщенную характеристику (оценку) ему как личности и выражены в неприличной форме. Ими же были определены основные категории лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для лица характер. Это следующие разряды оскорбительной (инвективной) лексики и фразеологии:

- ругательная нелитературная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов,
- обценная лексика (мат),
- грубопросторечная (ненормативная) лексика.

Кроме того, в классификацию инвективных (оскорбительных) средств языка были включены следующие разряды литературной и разговорной лексики:

1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: бандит, жулик, мошенник.
2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: двурушник, расист, враг народа.
3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: палач, мясник.
4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: кобель, кобыла, свинья.
5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: украсть, хапнуть.
6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: дурак, гадина, гнусный.
7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: женщина легкого поведения, путана, интердевочка.
8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: коммуняки, дерьмократы, прихватизация (11, с. 66-71).

Указанные 8 разрядов литературной и разговорной лексики включают значительную часть арсенала нормативной негативно-оценочной лексики русского языка, а также риторические средства выражения (метафоры), стилистические приемы (эвфемизмы, окказионализмы). Этой лексике авторы указанной классификации приписывают качество быть средством оскорбления и, следовательно, иметь неприличную форму выражения, что не поддается научному осмыслению проблемы оскорбления в теоретической и

прикладной лингвистике (в частности, лингвоэкспертологии). Трудно, например, понять, почему оскорбительными (то есть неприличными) могут быть все негативно-оценочные эвфемизмы, если основной функцией эвфемизмов является смягчение грубых, непристойных или не соответствующих стилевой установке текста слов. «Выбор эвфемизма – это маркер демонстрации нейтрального отношения, нежелания унижить, обидеть...» (12, с. 283).

Указанная классификация была положена в основу экспертной методики тех и последующих лет. Вот что пишет о последствиях такого экспертного подхода член ГЛЭДИС О.Н.Матвеева в 2013 году:

«Это, пожалуй, самая трагичная и противоречивая страница в лингвистической экспертизе, надо признаться, в какой-то мере скомпрометировавшая саму эту экспертизу. Такой противоречивой экспертной и судебной практики, наверное, нет ни по одной категории дел. <...> С чем же связана противоречивость экспертной и судебной практики по данной категории дел? Свою роль в этом сыграли несколько обстоятельств, находящихся на пересечении юриспруденции, лингвистики и обыденного сознания.

Диспозиция статьи определяет оскорбление как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Толкование данной нормы закона свидетельствует о том, что унижение чести и достоинства возможно и средствами, не имеющими неприличную форму. Неприличную форму имеют нецензурные высказывания. Это означает, что ни слова литературного языка, даже имеющие резко негативную семантику, ни сниженные разговорные слова не имеют неприличной формы.

Проблемы, которые возникают на практике с квалификацией высказываний по статье «Оскорбление», связаны с неразличением бытового и юридического понимания оскорбления, с неразличением обиды и оскорбления. <...>

Оскорбление в обыденном понимании гораздо шире, чем в юридическом. Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимым признаком является неприличная форма, а в обыденном понимании к оскорблению относят любые слова с негативной семантикой. *Фраза «Сударь, Вы - подлец»* - пример классического оскорбления, однако неприличная форма здесь отсутствует, поэтому в юридическом смысле квалифицировать это как оскорбление невозможно.

Противоречивой практике по делам об оскорблении способствуют эксперты с недостаточной компетенцией, которые отождествляют любую инвективу, то есть высказывание, содержащее резко негативную характеристику лица, с высказыванием, имеющим неприличную форму. Таким образом, достаточно часто встречаются экспертные ошибки по этой категории дел. ... Все слова, входящие в класс инвектив, квалифицируются такими экспертами как имеющие неприличную форму, т.е. отождествляется по сути любое негативное суждение в адрес конкретного лица и оскорбление, имеющее неприличную форму.

Приведу пару примеров, когда оскорбление в неприличной форме было подменено обыденным понятием оскорбления. Несколько лет назад Московский суд признал слово «вор» в газетной статье в отношении одного из министров оскорбительным. Соответственно, обязательным его признаком в этом случае является неприличная форма, однако с лингвистической точки зрения неприличной формы данное слово не имеет, оно вполне нормативно и входит во все словари литературного языка. То есть министру нужно было защищать свою честь в порядке, предусмотренном статьей 152 ГК РФ или в то время 129 УК РФ. Один из журналистов тогда справедливо и едко заметил, что наш суд придумал новое неприличное слово из трех букв.

Другой пример. В Барнауле имело место громкое дело, когда работники милиции написали заявление по ст. 130 УК РФ в отношении соседки-пенсионерки, которая повесила им на входную дверь записку: «*Менты, вы когда пол на площадке мыть будете?*». Для квалификации данного речевого акта по статье оскорбление необходимо наличие неприличной формы, каковая в приведенном высказывании отсутствует. Слово «*менты*» не является нормативным, относясь к жаргонной лексике, однако неприличной формы не имеет» (13).

Данная критическая оценка первой классификации инвективной лексики поддерживается многими лингвистами, в том числе и Подкатилиной М.Л.: «По нашему мнению, представленная классификация лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для лица характер, является чрезвычайно широкой. Используя приведенную классификацию, почти любые слова, выражающие отрицательную оценку лица, его качеств и поступков, можно отнести к оскорбительным» (14). В правовом аспекте при таком положении дела можно говорить о нарушении ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 20 Конституции Республики Казахстан, гарантирующими каждому право на свободу слова.

Проблемный характер оценки неприличности речевого акта как деяния заключается в том, что при предложенном в конце 90-х годов и широко распространенном экспертном подходе не учитывается такой важный фактор, как неразличение людьми широкого (обыденного) и узкого (юридического) понятия оскорбления.

Теперь мы подошли к одному из ключевых моментов нашего материала – к проблеме анализа и оценки казахстанскими экспертами спорных материалов по делам об оскорблении.

Указанный в «Понятиях чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации» некорректный экспертный подход полностью был заимствован казахстанским Центром судебной экспертизы и в 2002 году был положен в основу экспертной методики – Стандартная методика исследования объектов, содержащих признаки оскорбления чести, достоинства и деловой репутации личности Пособие для экспертов. – Алматы, ЦСЭ МЮ РК, 2002. Если в России за прошедшее время были созданы научно достоверные, объективные

методики, то казахстанская методика осталась прежней, без изменений, действующей до настоящего времени. Не вызывает возражений экспертный анализ негативно-оценочных номинаций лица, выраженных обценной (иначе – ненормативной, нецензурной) лексикой и фразеологией. Неверной же в заключениях казахстанских экспертов является трактовка наличия неприличной формы у высказываний, включающих негативно-оценочные номинации лица, выраженные литературной и разговорной лексикой и фразеологией. Литературная и разговорная лексика и фразеология образуют нормативный пласт лексико-фразеологической системы языка, употребление которого соответствует принятым в обществе нормам литературной и разговорной речи. «Такое словоупотребление с морально-этической точки зрения воспринимается общественным сознанием как приличное, а способ языкового выражения соответствующей информации при помощи приличной лексики может быть назван приличным. Таким образом, приличная лексика, приличная языковая форма выражения мысли – это использование нормативной (приличной) лексики и фразеологии» (15, с. 388). Возвращаясь к казахстанским экспертизам по делам об оскорблении, ответим коротко: в преобладающем большинстве случаев весь экспертный анализ сводится лишь к отнесению спорного слова к одному из восьми указанных выше разрядов литературной и разговорной лексики и последующему автоматическому, без исследования выводу о его оскорбительности. В этих заключениях отсутствует описание речевого действия (речевого события), игнорируются контекст и коммуникативная ситуация. Как известно, судебная экспертиза является одним из доказательств по делу. В ситуации с речевыми правонарушениями, как отмечают юристы, «в самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам «*Corpus delicti*», все объективные признаки судимого деяния» (16, с. 229). Предполагается, что судебная лингвистическая (по казахстанской классификации судебных экспертиз – психолого-филологическая) экспертиза, как, впрочем, любая судебная экспертиза, должна обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование материала, которое может стать необходимым доказательством по делу и может быть положено в основу решения суда. Согласно ч. 2 ст. 283 УПК РК, а также ч. 1 ст. 39 закона РК «О судебно-экспертной деятельности», среди других требований к содержанию заключения эксперта в заключении должны быть названы содержание и результаты исследований с указанием использованных методик. Если в судебно-экспертных исследованиях казахстанских экспертов-лингвистов по делам об оскорблении будет присутствовать указание на использование только лишь названной выше Методики от 2002, 2007 годов, то можно предполагать научно-методическую несостоятельность выводов такой экспертизы. В анализируемой ситуации психолого-филологическая экспертиза, использующая ошибочные исследовательские подходы, может привести и приводит к негативным последствиям.

В. Кузнецов, эксперт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, в своей статье об истории развития и современном состоянии судебной лингвистической

экспертизы в России, выделяет четыре главных её этапа: 1-й этап – возникновение судебной лингвистической экспертизы, 2-й этап – ее становление, 3-й этап – развитие и 4-й этап – совершенствование. Судебно-экспертологическая направленность методических пособий О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж, буквально перевернувших представления о методических подходах к решению экспертных лингвистических задач, позволили В. Кузнецову представить иную, альтернативную периодизацию развития судебной лингвистической экспертизы, выделив два этапа: *доэкспертологический* и *экспертологический*. «Первый большей частью связан со становлением и развитием лингвистической экспертизы учеными-филологами как направления прикладной лингвистики, в связи с чем его можно по-другому обозначить как филологический этап. Второй (экспертологический) этап связан с появлением методических продуктов, учитывающих достижения современной судебной экспертологии. В данном случае судебная лингвистическая экспертиза рассматривается не как направление прикладной лингвистики, а как один из родов судебной экспертизы, развивающийся в рамках судебной экспертологии и имеющий свою частную теорию, а также свой предмет, объект, задачи, методы и методики экспертного исследования. При этом экспертологический вектор, к сожалению, можно наблюдать большей частью лишь в государственных СЭУ России. В настоящее время на филологических факультетах многих российских вузов проводится большое количество научных мероприятий (конференций, форумов, вебинаров и т. п.), посвященных проблемам судебной лингвистической экспертизы. Это свидетельствует о дальнейшем развитии филологического направления.

С одной стороны, филологи имеют хорошую лингвистическую базу и обладают знаниями в области современных направлений языкознания. С другой – они не знакомы с теорией судебной экспертизы (судебной экспертологией), а также с частной теорией судебной лингвистической экспертизы, не владеют терминологией судебной экспертологии и организационно-правовыми основами судебной экспертизы.

Многочисленные монографии и диссертации филологов по проблемам судебной лингвистической экспертизы, а также сборники материалов проводимых на филологических факультетах российских вузов конференций, посвященных данной проблематике, зачастую содержат ошибочные представления о судебной лингвистической экспертизе, а приводимые в качестве иллюстраций к исследованиям тексты экспертиз – все виды экспертных ошибок (гносеологические, процессуальные, деятельностные). Все это, в свою очередь, формирует превратное представление о судебной лингвистической экспертизе, прежде всего о ее возможностях, пределах специальных лингвистических знаний, методах экспертного исследования. Это, безусловно, негативно сказывается на развитии этого рода экспертизы, возвращает нас к доэкспертологическому этапу» (18, с. 21).

В Казахстане современное состояние филологической экспертизы можно охарактеризовать как доэкспертологический этап, не принимающий во

внимание методические материалы, учитывающие достижения современной судебной экспертологии. По сути проблемы состояние филологической экспертизы нельзя назвать даже и филологическим этапом, поскольку казахстанские ученые-филологи не ведут исследования филологической /лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики (за исключением отдельных малочисленных статей); имеющиеся экспертные методики требуют новых методических подходов к решению экспертных задач.

Противоречивой казахстанской практике по делам об оскорблении способствуют не только эксперты-лингвисты/филологи, но и специалисты-филологи с учеными степенями и званиями, составляющие заключения специалиста по обращению одной из сторон. Преимущественно эти специалисты не владеют теорией судебной экспертизы, ее терминологией, а также частной теорией судебной лингвистической экспертизы, её организационно-правовыми и методическими вопросами. Не владея специальными знаниями в области судебной лингвистической экспертизы, не понимая особенностей судебной экспертизы как источника судебных доказательств, данные специалисты берутся решать экспертные задачи «по-житейски», «на уровне обыденного знания носителя русского языка». В результате в сознании общественности (включая юристов, филологов, да и самих экспертов) укореняется ошибочное представление о том, что якобы филологическая/лингвистическая экспертиза по своей природе является субъективной: «сколько экспертов, столько и мнений», решает простые задачи поиска значений слов по словарю, «доказывая очевидное», эксперты «ангажированы» или «зависимы» от инициатора задания. **(У автора этой работы имеется значительное количество таких заключений).**

Возвращаясь к теме нашего обсуждения, укажем на то, что рассмотренный выше ошибочный экспертный подход, десятилетиями используемый в экспертной практике, укоренил в общественном сознании понимание того, что за оскорбление к юридической ответственности (а именно, россиян – к административной, казахстанцев – к уголовной ответственности) можно привлечь за употребление в отношении лица любого негативно-оценочного слова или выражения, независимо от его нормативности/ненормативности, стилевой принадлежности, контекста, речевой ситуации и пр. В этой ситуации в правовом аспекте можно говорить о нарушении ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 20 Конституции Республики Казахстан, гарантирующих каждому право на свободу слова.

Рассмотрим следующий пример из российской судебной практики. В сентябре 2021 года в Ростовской области Батайский городской суд отменил штраф редактору муниципальной газеты за оскорбление сотрудницы. Суд решил, что слова «бездарь» и «воровка» не оскорбительны. Судья Ольга Орельская отменила решение мирового суда о штрафе в 30 тыс. рублей главному редактору газеты «Вперёд» Ларисе Белоконь (18).

У юриста, представителя потерпевшей, возникли вопросы: «...получается, что батайский суд постановляет, что начальники могут обзывать

подчиненных, а подчиненные начальников – ворами и бездарями, и им за это ничего не будет?», «Предусматривает ли речевой этикет использование слов «воровка» и «бездарь» при деловом общении для регулирования социальных связей и межличностных отношений?». (Такие вопросы довольно часто ставятся стороной обвинения и в казахстанских судах). В первом вопросе выражается субъективная трактовка говорящей постановлением суда как разрешение начальникам и подчиненным называть (*обзывать*) друг друга ворами и бездарями при отсутствии наказания за это. С одной стороны, очевидно, что здесь наблюдаются домыслы (то есть не подтвержденная самим постановлением догадка, основанная на общих размышлениях) говорящей, потому что постановление не имеет того содержания, которое приписывается ему говорящей. С другой стороны, понятно, что субъект вопроса имеет в виду принцип «все, что не запрещено – разрешено». Действительно, литературные слова *воровка* и разговорное слово *бездарь* (= бездарность), относясь к нормативной лексике и не выражая табуированные смыслы, а выражая негативную оценку лица по его деяниям, а также когнитивным способностям, не могут быть запрещены к употреблению в обществе ввиду отсутствия их неприличной формы. По сути, в правовом аспекте право граждан свободно использовать эти слова для выражения своей мысли и слова закреплены в ст. 20 Конституции РК и ст. 29 Конституции РФ. (Другое дело, когда слово *воровка* рассматривалось бы в утверждениях: *Она воровка/Ты воровка/Виктория воровка* в порядке, предусмотренном ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации), ст. 129 УК РФ (Клевета), а также ст. 143 ГК РК (Защита чести, достоинства и деловой репутации), ст. 73-3 КоАП РК (Клевета), и было бы признано судом как порочащие сведения).

Второй вопрос представителя потерпевшей: *Предусматривает ли речевой этикет использование слов «воровка» и «бездарь» при деловом общении для регулирования социальных связей и межличностных отношений?* является манипулятивным, поскольку наблюдается такая логическая ошибка, как «подмена понятия» (20, стр.151). Предметом мысли /обсуждения в данной ситуации являются нормы закона и нормы языка, которые регулируют употребление слов типа «воровка», «бездарь». Задавая второй вопрос, но имея в виду опять же постановление суда, то есть оставаясь в рамках прежней темы, субъект вопроса подменяет исходное понятие другим предметом мысли, а именно, «этикой деловых отношений», то есть «моральным и нравственным законом», которые диктует нам общество. Если исходить из принципа «все, что не запрещено – разрешено», употреблять слова *воровка*, *бездарь* можно. Но если его осуществлять при особых обстоятельствах (деловое общение), то можно получить осуждение со стороны общества. Сам ответ на вопрос будет однозначно отрицательным: «этика деловых отношений руководителя и подчиненного не предусматривает в их общении использование слов «воровка» и «бездарь», потому что этика руководителя как система норм нравственного поведения начальника строится на ряде принципов, один из которых – соблюдение вежливости,

умение управлять своими эмоциями и чувствами в ходе построения отношений с вышестоящими руководителями, коллегами, подчиненными и т.п.'. В этом и заключается манипулятивный характер вопроса, когда речь уже идет о разных вещах, хотя коммуниканты (участники процесса) думают, что имеют в виду одно и то же. Такой подход затрудняет выяснение существа дела, вводит участников процесса в заблуждение, формируя негативные представления адресата о решении суда как незаконном и необоснованном решении. В казахстанской практике такие вопросы также довольно часто задаются в судах при рассмотрении дел по оскорблению представителям стороны защиты, специалисту с альтернативным заключением.

Выводы. Ч. 2 ст. 283 УПК РК, а также ч. 1 ст. 39 закона РК «О судебно-экспертной деятельности» предусматривают, что исходной, отправной точкой в экспертных исследованиях должны быть экспертные методики, что делает их разработку актуальнейшей задачей. Вывод один: необходимы скорейшая разработка частной методики для решения экспертных задач по делам об оскорблении.

Укажем типовые методики, которые используются российскими специалистами при решении экспертных задач по делам об оскорблении.

Методика ЭКЦ МВД РФ

- Лингвистическая экспертиза. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская ЭКЦ МВД России / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Дильдина. – М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. – С. 243-292.

Долгое время из-за отсутствия профильной методики решения экспертных задач по делам об оскорблении эксперты обращались к этой типовой методике лингвистической экспертизы Экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) МВД, которая является универсальной, содержит общие подходы к анализу текста, но она ориентирована на исследование текста для экспертиз по делам о коррупции, наркотиках, угрозах, экстремизме. Методика ЭКЦ не содержит понятия неприличной формы, ориентируется на данные толковых словарей.

Методики Министерства юстиции РФ

- Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2011.

- Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.: Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму М.: ФБУ РФЦСЭ, 2014

- Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Изотова

Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016.

Эта частная методика Минюста РФ появилась в 2016 году, она специально разработана для решения экспертных задач по делам об оскорблении.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.

2. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова – СПб.: НОРИНТ, 2004.

3. Баранов А.Н., Ерохина Л.А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Том 15. № 1. С. 20–28.

4. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОИ», 2013.

5. Ерофеева Е.В. Речевой акт оскорбления как коммуникативный ход инвективной стратегии во французском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч.II. С. 96-98.

6. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие. /Под науч. ред. проф. И.А. Стернина. – Ярославль, Изд-во «Канцлер», 2013.

7. Магерарова Ю.Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление // Научный диалог. 2018. № 7. С. 93-101

8. Саженин И. И. Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право // Лингвокультурология / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. №10. С. 331 - 338.

9. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г.

10. Галяшина Е.И. Современное состояние и актуальные проблемы судебной лингвистической экспертизы в России и за рубежом // Журнал «Российское право в Интернете». 2008, № 03

11. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А.К. Симонова и М.В.Горбаневского. – М.: Медя, 2004.

12. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. – М.: Проспект, 2021.

13. Матвеева О.Н. Оскорбление - унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме

(<http://lingva-expert.ru/publication/oskorblenie-unizhenie-chesti-v-neprilichnoy-forme/>)

14. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. №3–2. С. 389 – 394).

15. Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. – Кемерово, 2011. С. 387-398.

16. Ратинов А.Р. Когда не стесняются в выражениях ... // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002. С. 227-237.

17. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011; Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

18. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза как форма применения специальных лингвистических знаний в судопроизводстве: история развития и современное состояние // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 17–25.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-17-25>

19. Батайский суд отменил штраф редактору муниципальной газеты за оскорбление сотрудницы // Блокнот, 14.09.2021
(<https://bloknot-rostov.ru/news/batayskiy-sud-otmenil-shtraf-redaktoru-munitsipaln-1389503>)

20. Каверин Б.И., Демидов И.В. Логика для юристов: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. Б.И.Каверина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

**словарная статья в толковом словаре отражает
общеупотребительное значение слова**

И. А. Стернин указывает, что **само понятие,**
стоящее за словом оскорбление, в бытовом сознании человека
может быть гораздо шире, чем его правовое понимание, и зачастую
подменяется понятием, соотносимым со словом обида: «...обида
основывается на индивидуальной субъективной негативной
эмоционально-психологической реакции на слова собеседника, так
что обида может быть нанесена и оскорблением, и обвинением, и
клеветой, и сравнением, и оценкой, и просто характеристикой,

констатацией некоторого факта.» [Стернин, 2013, с. 9]. При этом оскорбление в обыденном сознании (обида) может быть причинена в литературной форме, что, **однако, не может расцениваться как оскорбление в юридическом понимании этого термина.**

Автор Карымсакова Рахия
Даулетбаевна
эксперт-филолог, преподаватель
русского языка и литературы, кандидат
филологических наук, доцент